

*Ивэр НОЙМАНН,
доктор философии,
ассоциированный старший научный сотрудник
Норвежского института международных отношений (г. Осло)*

СОЗДАНИЕ НАЦИЙ: БАШКОРТОСТАН¹

В главе 3 я продемонстрировал, как Петр Великий начал успешную кампанию по переносу восточной географической границы Европы с реки Дон на Урал. В числе наций, земли которых благодаря этому переносу границы стали частью Европы, – башкиры и татары. Башкортостан – одна из республик Российской Федерации. Он занимает площадь в 3214000 квадратных километров между Волгой и Южным Уралом; обычно этот регион называется Волжско-Уральским. Татарстан, граничащий на западе с Башкортостаном, – это другая республика. Из 4 миллионов человек, проживавших в Башкортостане на момент переписи 1989 г., 22 % идентифицировали себя по национальности как башкиры, 39 % как русские и 28 % как татары.

Интенсивные социальные и политические изменения в области российского государственного строительства в начале 1920-х и в начале 1990-х гг. привели к активизации строительства башкирской нации. Эта глава рассматривает формирование башкирского «Я» в противопоставлении к русскому и татарскому «Другому». Репрезентации «России» были сосредоточены на России как государственном образовании, где проживает башкирский народ, и России как русской нации, самопровозглашенные члены которой составляют существенную часть населения территориального образования, которое ранее называлось Башкирией, а с октября 1990 г. получило название Башкортостана. Аналогичным образом репрезентации Татарстана были сосредоточены как на политическом субъекте «Татарстан», который по многим параметрам является самой ресурсоемкой из шести других волжско-уральских республик, так и на татарском народе, отдельные представители которого считают башкир разновидностью собственной этнической группы. Иными словами, два основных «Других» башкирского «Я» представлены одновременно как внешние и как внутренние. Если при анализе создания русской нации большую часть контекстуальной информации можно было опустить как общеизвестную, то вряд ли я кого-нибудь обижу, высказав предположение, что в случае Башкортостана на это рассчитывать трудно. Поэтому настоящая глава будет построена в форме систематического каталога диахронических и синхронических диакритик, посредством которых проводились этнические границы между башкирским «Я» и его «Другими».

Диахрония: Аль-Башкирд, Башкирия, Башкортостан

Конструирование башкирской нации началось на рубеже столетий, достигло высшей точки в 1917-1920 гг. и недавно активизировалось вновь. При написании истории башкир создатели нации собрали богатый урожай из различных письмен-

¹ Я хотел бы выразить благодарность Михаилу Крюкову, чьи разыскания были использованы в настоящей главе.

ных источников. Этимологически этноним прослеживается в записках иностранных путешественников с X века н.э. Описывая свое путешествие к волжским булгарам в 922 г., Ибн-Фадлан упоминает в своем дневнике, что после пересечения реки Канджалы он достиг «тюркской земли Аль-Башкирд». Полтора века спустя Махмуд аль-Кашгари назвал башкир, наряду с киргизами и татарами, в числе двадцати основных тюркских народов. Он также заметил, что киргизский, огузский и др. языки «являются чисто тюркскими», а «язык башкир очень близок к ним»². Другим источником по ранней истории башкирского народа являются «шежере», генеалогии, существовавшие изначально как фольклорный литературный жанр и записанные не ранее XVI века. Шежере связаны с отдельными подгруппами башкир, которые советские этнографы обычно называли «племенами». Именно на основе данных, извлеченных из этих генеалогий, многие башкирские ученые начала XX века смогли опубликовать работы о формировании башкирского народа. Разделение на большое число малых подгрупп («племен») всегда было специфической чертой всех кочевых и полукочевых народов тюркского происхождения. Что же касается башкирского народа, то несколько десятков подгрупп обычно разделяются на четыре территориальных группы: юго-восточную, северо-восточную, юго-западную и северо-западную.

Однако в начале XX века в регионе также существовало сильное татарское пантюркистское движение, которое приобрело дополнительное значение после смены политического режима в 1917 г. Например, в мае 1917 г. автор статьи в оренбургской татарской газете «Вақыт» утверждал, что «называть татар и башкир разными именами только на основании незначительного различия в диалектах – это означало бы попытку искусственно разделить единый по существу народ»³.

В 1972 г. Б. Юлдашбаев, из книги которого приведена эта цитата, пошел далее, утверждая, что специфичные черты башкир, если даже таковые существуют, недостаточны для того, чтобы рассматривать башкир как отдельную этническую группу. В этих словах можно услышать отголосок мнения, высказанного членами татарской делегации на встрече с Лениным в марте 1920 г. Они утверждали, что между башкирами и татарами, в сущности, нет глубоких различий, за исключением несущественного различия разговорных языков. Эта проблема открыто встала во время третьего башкирского курултая (собрания), состоявшегося в декабре 1917 г. Мусульманский военный комитет предъявил курултаю ультиматум, в котором говорилось, что башкирские представители пытаются удержать татар и других мусульман от выполнения наказов избирателей и «оскорбляют ради достижения своих целей священные установления других народностей»⁴. Башкиры дали отпор, и курултай предупредил, что «если со стороны упрямых из татар произойдет нападение на лиц, руководящих башкирскими делами, то башкиры снимают с себя ответственность за благосостояние татар, проживающих в Башкортостане»⁵.

Синхрония: институционализация башкирской нации

Раиль Гумерович Кузеев составил исторический обзор башкирских «племен», проследив места расселения сорока семи подгрупп в начале XX века⁶. В силу огра-

² Юлдашбаев Б. Х. История формирования башкирской нации (дооктябрьский период). Уфа, 1972. С. 43.

³ Там же. С. 55.

⁴ Этнополитическая мозаика Башкортостана / Отв. ред. М. Н. Губогло. Уфа, 1992. Т. 2. С. 85.

⁵ Цит. по: Там же. С. 87.

⁶ Кузеев Р. Г. Этнические процессы в Башкирии в новое и новейшее время // Этнические процессы в Башкирии в новое и новейшее время. Уфа, 1987.

ничений советского дискурса подобные исследования того, что он называет «племенной» структурой башкир, не могли быть предприняты в советское время.

Были, однако, свидетельства того, что «племенная» структура сохранила свое значение. Действительно, возросшая зримость «племенной» структуры стала неотъемлемой частью современного конструирования башкирской нации. Ограничимся несколькими примерами: в начале 1990-х в Уфе было опубликовано большое количество статей, подробно описывающих историю и культуру конкретных башкирских «племен», таких как юрматы, усерган, кипчак и табын. Большинство этих статей было посвящено племени юрматы. Кроме того, в 1990 г. в городе Ишимбай, центре «племенной» территории юрматы была организована независимая общественная организация – Союз юрматы⁷. Когда в августе 1992 г. был организован специальный фестиваль фольклорного искусства юрматы, газеты приветствовали это как событие великого исторического значения. В печати появились предложения о специальном съезде юрматы⁸.

Связанные с конкретными территориями, башкирские «племена» претендуют на право исключительного управления землей на своих исконных территориях и склонны отрицать это право за другими группами внутри Башкортостана. Все небашкирские жители на «племенных» территориях считаются новичками и чужаками, т.е. «Другими», у которых нет той связи с землей, которая есть у местных башкир. Пытаясь сгладить этот аспект этнического конфликта, лидеры башкирских националистов утверждают, что при нынешних обстоятельствах идея частного землевладения в Башкортостане иррелевантна. Этот момент отличает экономическую программу создателей башкирской нации от других национальных движений на территории бывшего Советского Союза. Она направлена на выдвигание идеи «племенного» землевладения, а не на приватизацию и рыночную экономику.

Если лица, идентифицирующие себя как русских, составляют 39 % населения Башкортостана, а идентифицирующие себя как татар, составляют там 28 %, то люди, называющие себя башкирами, составляют только 22 %. Процент русских в Башкортостане начал расти в 1970-е гг., но затем тенденция изменилась. Процент башкир также сократился, но это произошло не из-за увеличения числа русских, а по причине увеличения числа татар. Во время переписи 1989 г. Башкирия, как и большинство других республик, не имела титульной нации, составляющей абсолютное или хотя бы относительное большинство (лишь в Татарстане татары составляют относительное большинство: 48 % татар и 43 % русских).

Статус башкир как всего лишь третьей по величине этнической группы Башкортостана делает построение башкирской нации очень деликатным предприятием (так же, как соседство с Татарстаном и рассеянной по всему бывшему Советскому Союзу семимиллионной татарской нацией, к которой татары Башкортостана могут обращаться за этнополитической поддержкой). Проект современных строителей башкирской нации, как и их предшественников, принимавших участие в событиях 1917 г., подвергается опасности со стороны конкурирующего татарского проекта национального строительства. До 1917 г. в среде татар преобладали пантюркистские настроения, но в настоящее время эти настроения уже не столь распространены. Тем не менее, пантатаризм все еще заявляет о своем присутствии.

⁷ Башкортостан. 1991. 23 июля; интервью с вице-президентом Союза юрматы М. Исмагиловым в газете «Башкортостан» (1990. 28 янв.).

⁸ Башкортостан. 1992. 14 авг.

В Башкирии первой группой, воспользовавшейся новыми возможностями мобилизации, которые открылись в период ослабления Советского Союза, были этнические татары. В марте 1988 г. активисты в Уфе основали клуб татарской культуры, который был позднее преобразован в Татарский общественный центр (ТОЦ), который в настоящее время превратился в ведущую организацию этнических татар в Башкортостане. Первый курултай ТОЦ принял программу и утвердил устав в январе 1989 г. В апреле 1992 г. вышел первый номер газеты ТОЦ «Жедиген»⁹. Еще одной, более радикальной социальной организацией татар Башкортостана стала Татарская демократическая партия «Идель-Урал» (ТДП), зарегистрированная в марте 1991 г. «Идель-Урал» называется и татарская газета, выпускаемая этой партией. Название отражает программу организации: термин был придуман в начале века татарским социалистом Галимжаном Шарафом. «Идель» – древнее тюркское название Волги. Таким образом, «Идель-Урал» – это пантюркистский способ обозначения Волжско-Уральского региона; он был широко распространен в 1917-1920 гг.¹⁰ Третьей и наиболее радикальной татарской ассоциацией в Башкортостане является Союз татарской молодежи «Азатлык» (СТМ), опубликовавший свою программу в ноябре 1990 г.¹¹

Башкирские этнополитические организации возникли, помимо прочего, в противовес формированию татарских организаций. Самой главной башкирской организацией такого рода стал Башкирский народный центр «Урал» (БНЦ), первый съезд которого состоялся в декабре 1989 г. Первым и основным требованием съезда стало превращение Башкирии из автономной республики в составе РСФСР в союзную республику СССР. Принимая такую платформу, БНЦ ясно позиционировал себя в основном русле этнополитики эпохи заката Советского Союза, когда союзные республики выступали с требованием независимости, а другие территориальные единицы – с требованием повышения статуса на одну ступень. Марат Кульшарипов, ведущий местный историк, стал вторым президентом БНЦ. Его профессиональное положение было типичным для ситуации в Советском Союзе в целом, когда историки повсеместно занялись производством знания с «национальных» точек зрения¹² (Deletant, Hanak, 1988).

В феврале 1991 г. БНЦ провел второй съезд, каждый делегат которого был избран 1500 лицами башкирской национальности. В результате 1200 представителей различных регионов Башкортостана участвовали в работе съезда наряду с башкирскими делегатами из других республик СССР, что явилось немалым достижением этнополитической мобилизации. Для того, чтобы подчеркнуть историческую преемственность и связь с более ранними башкирскими этнополитическими движениями, второй съезд БНЦ принял название Пятого Всесоюзного съезда башкирского народа (при этом трем башкирским курултаям, проведенным в 1917 г., были присвоены три первых номера в подразумеваемом ряду). БНЦ претендовал на то, чтобы стать съездом, созданным по прямому поручению нации и продолжившим дело, начатое националистическим движением межвоенного периода, подобно эстонскому и латвийскому съездам, ранее организованным в этих советских республиках.

⁹ Этнополитическая мозаика Башкортостана. Т. 2. С. 140-141.

¹⁰ *Zenkovsky S. Pan-Turkism and Islam in Russia. Cambridge, Mass., 1960. P. 157 и далее.*

¹¹ Этнополитическая мозаика Башкортостана. Т. 2. С. 193-196

¹² *Historians as Nation-Builders: Central and South-East Europe / Ed. by D. Deletant and H. Hanak. London, 1988.*

Среди резолюций, принятых вторым всенародным съездом БНЦ, была резолюция «Башкортостан – республика мира», в которой говорилось: «Башкирский народ столетиями вел борьбу за свою родную землю, а также за Россию. Однако его участие в различных боевых действиях не было направлено на захват чужих земель, на ограбление их народов. Башкирский народ никогда не был захватчиком, поработителем чужих народов.

Башкирский народ испокон веков жил в мире, любил мир и стоял на его защите. В сегодняшней тревожной обстановке, когда различным народам угрожает реальная военная опасность, когда то там, то тут постоянно происходит кровопролитие [документ издан вскоре после кровавых событий в Тбилиси, Баку и Вильнюсе], башкиры подтверждают свое миролюбие и готовы предпринять необходимые шаги для защиты мира и безопасности. Исходя из этого, V Всесоюзный съезд башкирского народа заявляет: «Башкирский народный съезд от имени башкирского народа объявляет Башкортостан зоной, свободной от ядерного оружия [и] требует запрещения в Башкортостане производства и хранения химического оружия.

V Всесоюзный съезд башкирского народа извещает руководителей министерств обороны СССР, внутренних дел СССР, РСФСР и БССР о том, что в Башкортостане при любой острой ситуации все вопросы и проблемы необходимо разрешать только мирными средствами. В республике должно быть запрещено применение оружия против мирного населения»¹³.

Шестой (т.е. третий по счету) съезд БНЦ собрался в Уфе в 1991 г. для обсуждения широкого круга тем. На съезде была принята резолюция об учреждении новой общественной организации, получившей название Башкирской народной ассамблеи, которую предстояло создать для достижения главной цели БНЦ – создания демократического независимого Башкортостана в соответствии с правом башкирского народа на самоопределение. Эта резолюция еще больше накалила политическую обстановку в Башкортостане¹⁴.

Резолюция БНЦ с требованием предоставления независимости Башкортостану не прозвучала как гром с ясного неба: ее появлению предшествовали заявления организации, близкой к БНЦ, – Башкирской народной партии (БНП), основанной в ноябре 1990 г. Третьим политическим объединением, близким к БНЦ, стал Союз башкирской молодежи (СБМ), образованный в мае 1990 г. Первый съезд СБМ, состоявшийся в ноябре 1990 г., провозгласил, что помимо классовых, половозрастных, религиозных, узкоколлективистских интересов существуют еще и национальные интересы, которые начинают играть все большую роль на современном этапе развития советского общества. И в любом вопросе нашей деятельности, будь то экология, экономика, социальная сфера, право и пр., мы будем исходить прежде всего из интересов своей нации¹⁵.

Таким образом, структуры татарской и башкирской национальной мобилизации представляют зеркальное отражение друг друга: у каждой есть центр с широкой поддержкой, а также более радикальные вспомогательные организации и примыкающие к ним радикальные молодежные организации. Конечно, эти движения крайне антагонистичны. Приведем один пример – достаточно репрезентативную характеристику одного из татарских лидеров, председателя ТОЦ Фариды Яшуева, данную председателем СБМ Ренатом Баимовым: «Он хочет сделать из Башкирии нечто

¹³ Цит. по: Этнополитическая мозаика Башкортостана. Т. 2. С. 185.

¹⁴ Там же. С. 157-168.

¹⁵ Там же. С. 185.

вроде мусульманской республики, а самому стать главой такого государства. В общем, этот человек не совсем нормальный, можно даже употребить жаргонизм «шизанутый». Его нужно лечить в клинике для душевнобольных с диагнозом мания величия, либо выселить из Башкортостана»¹⁶.

Диакритические знаки

Воспроизводство башкирской и татарской этничности в Башкортостане приводит к созданию и поддержанию новых социальных границ. Можно выделить по крайней мере шесть маркеров границы и соответствующих культурно-политических «локусов». Это религия, так называемая «племенная» деятельность, язык, демография, территория и исторические деятели.

Религия

Религия представлена иначе, чем в случае дихотомии христианство/ислам или сунниты/шииты. Активисты татарского движения подчеркивают, что суннитский ислам – общая религия региона, и это должно иметь политические последствия. Такая репрезентация религии превращает ее в пантюркистский политический фактор, заставляющий ее резонировать в общем фонде исторического знания первого десятилетия XX века. Однако резонансы для двух этнических групп различны, и поэтому религия становится диакритикой. Когда башкирские активисты обвиняют своих оппонентов в том, что те пытаются «превратить Башкирию в исламскую республику», они указывают направление, противоположное пантюркизму: подчеркивается, что религия не должна иметь значения для политического режима в Башкортостане. Этот вопрос сами активисты напрямую связывают с вопросом о государственном устройстве. Интересно, что башкирские репрезентации татарской религиозной жизни подчеркивают *ретроградный* характер представлений, отдающих религии центральное место в политике. Такую же транспозицию религии как политической категории в прошлое можно обнаружить, анализируя процесс конструирования башкирами татарского «Другого».

«Племенная» деятельность

Материал обнаруживает присутствие простой бинарной оппозиции: с идеальной башкирской точки зрения, человек либо является членом племени *и, следовательно, башкиром*, либо не является членом племени, а значит, и башкиром. Судя по всему, татары не претендуют на такое членство. Этот локус связан с государственным устройством, поскольку он активизируется не только в фольклорном сознании, но и в дебатах о собственности на землю. Споры о том, каким образом и до какой степени следует ограничивать государственную собственность на землю, выдвинули на первый план вопрос о частном землевладении, но те же самые споры подогревались надеждой на то, что башкирские «племена» могут получить статус юридических лиц.

Язык

Башкирская «племенная» деятельность – локус, упрочивающий процесс конструирования башкирской нации за счет укрепления границы между башкирами и та-

¹⁶ Там же. С. 184.

тарами, которая в этом отношении всеми воспринимается как относительно ясная и четкая. С другой стороны, язык является локусом, чьи границы очерчены гораздо менее четко. Действительно, целый ряд диалектов и региональных форм разговорного башкирского языка переплетается с разговорным татарским, так что во время переписи 1989 г. более 216 тысяч башкир, т.е. около четверти всего башкирского населения республики, назвали своим родным языком татарский. Подавляющее большинство таких респондентов составляют жители западных и северо-западных регионов республики, граничащих с Татарстаном.

Современные создатели башкирской нации преуменьшают или даже отрицают такое положение вещей, провозглашая, что они против любых попыток разделить башкирскую нацию на две части и противопоставить западные и северо-западные районы основной массе башкирского населения¹⁷. Лингвистическая ситуация вызывает специальный интерес, появляются статьи о «западном диалекте», авторы которых отрицают его связь с татарским языком¹⁸. Таким образом, несмотря на почти единогласную тенденцию жителей западного Башкортостана называть свой язык татарским, современные башкирские лингвисты рассматривают этот язык как диалект башкирского.

Татарские языковеды склонны к другим выводам. Например, рецензируя книгу Дарьи Рамазановой о формировании татарских диалектов в северо-западной Башкирии, Х. Фаттах упрекает башкирских филологов за отрыв умозрительных построений от объективного исторического контекста. Попытка трактовать татар западного Башкортостана как «северо-западных башкир», а их разговорный язык как «северо-западный башкирский диалект» объявляется бессмысленной. В своей книге Рамазанова дает убедительный ответ на эти необоснованные претензии, заключает рецензент¹⁹.

Также существует теория, сторонники которой выступают против этнополитизации языкового локуса и стремятся показать, что разговорный диалект западных и северо-западных башкир носит смешанный и переходный характер²⁰. Рассматриваемый язык обладает чертами как башкирского, так и татарского языков, и поэтому может быть отнесен к любому из двух²¹. Эти голоса пытаются усложнить определение релевантных границ. Однако из того, что известно о языковых явлениях на границе немецкого и голландского, шведского и норвежского, сербского и хорватского, русского и украинского и так далее, ясно, что попытка переключить внимание на черты сходства рассматриваемых языков может оказаться даже контрпродуктивной. Поскольку, как показано в главе I, не так уж просто установить лингвистическую границу, которую обе стороны могут нагрузить политическим значением, лингвистическая близость может в подобных случаях даже ужесточить конфликт – по сравнению с такими случаями, как «шведский vs. финский» или «русский vs. татарский».

Ситуация еще больше усложняется этнополитическими призывами придать языку статус государственного. Башкирские активисты настаивают на том, чтобы

¹⁷ Там же. С. 124; Яшлек. 1990. 8 дек. (на башк. яз.).

¹⁸ Например: *Миржанова С.* Южный диалект башкирского языка. М., 1979. С. 15.

¹⁹ *Кузеев Р. Г.* Указ. соч. С. 29.

²⁰ Гарипов Т. М. Русский язык в Башкирии и его взаимодействие с башкирским языком. Уфа, 1988

²¹ Русско-татарский разговорник / Сост. Ф. С. Сафиуллина, К. Р. Галиуллин. Казань, 1986 (особенно с. 285-289).

государственным языком в республике был башкирский. Это требование, выдвинутое БНЦ еще в 1989 г., исходит из представления, что башкирский язык в течение десятилетий находился в пренебрежении и ныне редко используется в официальном контексте, если используется вообще. Хотя по поводу того, как исправить положение, нет единого мнения, а выдвинутые требования могут ужесточить кризис, общепризнано, что использование башкирского языка должно быть гарантировано. Социологические опросы свидетельствуют, что примерно 99 % русских, 70 % башкир и только 62 % татар в Башкортостане в совершенстве владеют своим родным языком. Среди башкир, в совершенстве владеющих башкирским языком, широко распространено представление, что использование русского языка более престижно: в 1979 г. так думали 65 % респондентов, а к 1989 г. число их возросло до 72 %. Здесь, несомненно, сыграла свою роль урбанизация. На вопрос, угрожает ли функционирование русского языка сохранению башкирского (как это утверждает БНЦ), 42 % башкир, 42 % татар и 20 % русских ответили утвердительно. Не более 34 % башкир поддерживают идею, что все жители республики обязаны хорошо владеть башкирским языком, 4 % были против этого, а 54 % сочли, что это должно быть делом личного выбора. Хотя лидеры БНЦ заявили, что только человек, в совершенстве владеющий башкирским языком, может избираться в президенты, только 8 % опрошенных башкир полагали, что хорошее знание башкирского языка необходимо для высших должностных лиц²². Эти социологические данные, конечно, неадекватны, но за неимением полевых данных подойдут и они.

Кампания по превращению башкирского языка в государственный немедленно подверглась жесткой критике со стороны татар. В декабре 1991 г. БНЦ пытался противопоставить этой критике план, состоящий из четырех пунктов. Во-первых, «в целях социальной защиты башкирского языка от ассимиляции и исчезновения» язык «республикообразующего народа» – башкирский – необходимо «объявить государственным языком». Во-вторых, русский язык должен стать средством межнационального общения, и поэтому может успешно использоваться для составления международных соглашений и обычной деловой переписки. Девизы на государственном гербе должны быть на башкирском и на русском языках. В-третьих, русский, татарский и башкирский должны стать «языками информации», т.е. использоваться в газетах, на телевидении, в деловой переписке и в рекламе. В-четвертых, любой язык может получить «статус языка функционирования культуры» и использоваться в искусстве, образовании и в СМИ²³.

Эти предложения, не говоря уже об их явно интервенционистской философии, никак не могли успокоить протесты татар. Татарские организации продолжали отстаивать идею трех государственных языков. Например, факультет татарской филологии Башкирского государственного университета принял резолюцию, осуждающую тот факт, что в комитете по языковому статусу, сформированном Верховным Советом, этнические группы были представлены несбалансированным образом, что нарушало принцип равноправия²⁴. Таким образом, язык стал ключевым локусом, в котором этнополитическая мобилизация была направлена на изменение

²² Хайруллин Национальное движение или борьба за президентское кресло // Этнополитическая мозаика Башкортостана Т. 2. С. 59.

²³ Резолюция БНЦ о статусе языков в Башкортостане, цит. по: Этнополитическая мозаика Башкортостана Т. 2. С. 159-160.

²⁴ Этнополитическая мозаика Башкортостана Т. 2. С. 241.

государственного устройства средствами кампании по превращению башкирского языка в единственный (так сказать, суверенный) государственный язык.

Демография

За последние четыре десятилетия процент этнических башкир во всех городах республики почти удвоился. Во многом это связано с урбанизацией. Демографическая ситуация сама стала ареной башкиро-татарских столкновений. С начала 1970-х гг. 400 тысяч башкир уехали в другие регионы России. При наличии огромной татарской диаспоры, рассеянной по всей России и бывшему Советскому Союзу, татарское население Башкирии / Башкортостана продолжало стабильно расти. Поэтому первый съезд БНЦ в 1989 г. заявил, что постоянное «сокращение численности коренных жителей в нашей республике» (т.е. башкир) стало очевидным препятствием на пути к консолидации башкирского народа²⁵. В мае 1990 г. съезд БНЦ потребовал, чтобы Совет министров положил конец въезду из других республик иммигрантов, у которых нет национальных корней в Башкирии. Специально были упомянуты среднеазиатские татары и было высказано пожелание не давать этим людям квартир, если они все-таки приедут.

По инициативе VI съезда БНЦ Верховный Совет республики создал специальный комитет по демографической ситуации. Однако когда главой комитета был назначен этнический татарин, БНЦ выразил протест. Некоторые экстремистские лидеры БНЦ приняли на вооружение лозунг «Башкирия для башкир» и настаивали на принудительной депортации небашкирских жителей ради более высокой концентрации башкир в республике. В петиции, направленной в ООН, утверждалось, что без полной или частичной репатриации переселенцев любого срока давности из колонизированных ими земель коренные народы, оказавшиеся в меньшинстве, не смогут овладеть положением и реализовать в полной мере свои национальные права. В мировой практике есть большой опыт по этому делу: при предоставлении независимости колониальным странам западноевропейскими государствами все колонисты были репатриированы независимо от того, что предки переселились туда несколько веков назад. Без такой меры не обойтись в России²⁶.

Неудивительно, что на публикацию этого документа последовала незамедлительная реакция: БНЦ был обвинен в национальном шовинизме. Месяц спустя председателю БНЦ пришлось оправдываться, что руководство БНЦ не соглашалось на некоторые ключевые положения текста Баишева, который опубликовал его якобы без согласия официальных лиц БНЦ. Председатель БНЦ утверждал, что ни в одном из документов БНЦ не затрагивалась тема депортации небашкир. Даже если это так, в рядах лидеров башкирских националистов такую позицию, несомненно, разделяют многие.

Что касается официальной позиции БНЦ, то она такова: башкиры – единственное коренное население региона, а все другие этнические группы – более поздние сообщества иммигрантов. Это – основная стратегия, при помощи которой отвергаются правовые притязания татар и русских: «Башкиры – единственный коренной народ Башкортостана, и поэтому только они пользуются правом на национальное

²⁵ Цит. по: Этнополитическая мозаика Башкортостана Т. 2. С. 112.

²⁶ Там же. С. 154.

самоопределение. Стремление кого бы то ни было не считаться с этой истиной противоречит международным правовым нормам»²⁷.

Эти в высшей степени своеобразные представления об опыте глобальной деколонизации и международном праве не суть главный предмет нашего рассмотрения, поскольку приведенную точку зрения разделяют и башкиры, и татары. Однако апелляция к мировой практике представляется весьма важной. Если в трех предыдущих локусах рекуррентной темой при обсуждении границ была связь этнополитической деятельности с государственной, то здесь образуется дополнительное измерение активизации мировых дискурсов и использования их в этнополитической деятельности. Репрезентации международных правовых норм используются в качестве аргументов в местных дискуссиях.

Территория

Призывы к государственным и международным органам также связаны и со следующим из обсуждаемых здесь локусов, а именно с территорией. Татарская этнополитика не только выдвигала на передний план численную силу татарской нации, но также стремилась вовлечь в местный политический процесс соседний Татарстан. Часто возникали споры об ирредентизме²⁸ и других формах территориального перераспределения. Например, в феврале 1991 г. ТОЦ выступил с утверждением, что декрет 1922 г., увеличивший территорию Башкирии за счет присоединения Уфы, был принят без обсуждения с местным населением и поэтому должен быть отменен²⁹. В районе Уфы необычайно высок процент русских. Если бы Уфимская область была отделена от Башкортостана и включена в качестве отдельной области в состав Российской Федерации, это оставило бы Башкортостан без главного города, что могло восприниматься как ослабление нации. Более того, это увеличило бы процент татар в Башкортостане и, следовательно, усилило позицию татар в оставшейся области и по отношению к башкирам, и по отношению к русским. Реакция башкир была болезненной. БНЦ заявил, что если антибашкирская деятельность ТОЦ не прекратится, то БНЦ предложит вернуть Башкортостану Мензелинский уезд, являющийся частью Татарстана, но до сих пор в основном населенный башкирами³⁰. ТОЦ, однако, не испугался и продолжал муссировать идею отделения Уфимской области. В октябре 1991 г. делегация ТОЦ отправилась в Москву на встречу с Ельциным и, по сообщениям в прессе, вручила на имя председателя Верховного Совета пакет предложений по созданию на территории бывшей Уфимской губернии Уфимской области в составе РСФСР³¹.

Ирредентистская деятельность вызвала к жизни символику «берлинской стены». Действительно, устроители традиционного татарского праздника сабантуй, прово-

²⁷ Манифест о современном положении башкирской нации, цит. по: Там же. С. 135.

²⁸ Политическое и общественное движение в Италии в конце XIX – начале XX века за присоединение к Италии пограничных земель Австро-Венгрии с итальянским населением. – *Прим. пер.*

²⁹ Этнополитическая мозаика Башкортостана Т. 2. С. 228.

³⁰ Резолюция V Съезда башкирского народа, цит. по: Этнополитическая мозаика Башкортостана Т. 2. С. 112.

³¹ Там же. С. 235. Одновременно, и иногда в противоречии с основным направлением татарских инициатив, татарские активисты в Башкортостане подчеркивали свой статус народа, проживающего в диаспоре. Например, представители татарского сообщества в Уфе призывали к проведению референдума по вопросу воссоединения регионов Башкортостана, населенных татарами, с Татарстаном.

дившегося на границе между двумя республиками в июне 1991 г., назвали пограничную реку Ик «второй берлинской стеной». Когда через два месяца между Башкирией и Татарстаном был подписан договор, татарские активисты приветствовали его как «договор против берлинской стены». Для того чтобы пробить брешь в этой «стене», основные татарские организации – ТОЦ, ТДП и СТМ – пустили в ход идею двойного гражданства для татар³². То, что на местном уровне это воспринималось как действенная риторика, показывает, как мировой дискурс может влиять на местный.

Исторические лица

Последний локус – исторические лица. Татары обычно называют татарскими выдающихся поэтов прошлого, которых башкиры считают башкирскими. Идет борьба за таких дореволюционных интеллигентов, как Мифтахетдин Акмулла и даже Шайхзада Бабич, который, как гласит один из официальных документов БНЦ, «был классиком советской (башкирской) поэзии», посвятившим свою жизнь бичеванию татарских шовинистов³³. Действительно, даже революционера Ахмед-Заки Валидова, которого башкиры называют «отцом башкирской автономии», татарские активисты именуют татарским ученым. Таким образом, ради сохранения границ, этнические группы рассматриваются как состоящие из мертвых, живых и еще нерожденных (можно отнести этот дискурс к локусу демографии, но для более детального освещения этого таксономического вопроса опять-таки нужны данные микроуровня).

Согласно Фредрику Барту, задачей изучения этничности является «обнажение процессов, участвующих в воспроизводстве этнических групп»³⁴, начиная с анализа атрибуции акторов и вплоть до анализа того, насколько произвольно или не произвольно «люди выбирают диакритические знаки», т.е. делают существующие различия значительными с точки зрения этничности. Барт пришел к утверждению, что, «по-видимому, выбор таких диакритических знаков куда менее случаен, чем я указывал в 1969 г.»³⁵. Действительно, самое поразительное в этом списке диакритик – то, насколько он знаком нам всем по другим прецедентам в бывших советских и югославских республиках и по другим исследованиям этнополитики в обстановке, когда этническая группа получала возможность заявить о себе как о нации.

Далее Барт подчеркивает роль государства и предлагает рассматривать его как «особого третьего игрока», участвующего в процессах формирования границы. Он считает, что анализ будет более глубоким, если ввести классификацию государств по типу политического режима. Такой подход, по-видимому, содержит неявную критику антропологии за недостаточно серьезное отношение к этому уровню.

В свете изложенного материала призывы Барта рассматривать государство в качестве «третьего игрока» должны быть модифицированы в двух отношениях. Первый из этих двух аспектов представляет собой хорошо разработанную тему: какие этнические группы нужно считать значимыми. В Башкортостане действует много этнополитических движений помимо башкирского и татарского. В качестве примеров можно упомянуть немецкий «Айнхайт», еврейский «Штерн» и русские этнопо-

³² Этнополитическая мозаика Башкортостана Т. 2. С. 243.

³³ Там же. С. 114.

³⁴ Barth F. Enduring and Emerging Issues in the Analysis of Ethnicity // Anthropology of Ethnicity: Beyond «Ethnic Groups and Boundaries». Amsterdam, 1994. P. II.

³⁵ Ibid. P. 16.

литические организации «Народная партия свободной России» и «Свободная Россия». Принципиально небашкирским и нетатарским движением является «Союз демократической молодежи Башкортостана» (СДМБ, раннее название – «Союз молодежи Башкирии»). Хотя СДМБ не заявляет о себе прямо как об этнополитической организации, его члены в большинстве своем являются русскими или называют себя «русскоязычными», т.е. описывают себя при помощи уже этнополитизированного локуса, а именно, языка.

СДМБ и «Свободная Россия» поддержали татарские инициативы касательно трех государственных языков. Русские и татары были также едины в критике программы среднего образования, выпущенной в июле 1993 г. По этой программе было сокращено преподавание истории, обществоведения и русского языка в пользу башкирского, а кроме того, отведено тринадцать часов в неделю на изучение культуры Башкортостана и только один час на изучение всемирной истории. Таким образом, существование и местная активность этих групп накладывается на давно продолжающееся размежевание башкирских и татарских акторов.

В такого рода деятельности есть и еще не использованный потенциал. Например, если русскоязычные жители Башкортостана начнут участвовать в местном религиозном дискурсе, вероятно, на передний план выйдет тот факт, что некоторые из них – христиане. Это, в свою очередь, может выдвинуть на авансцену башкир-христиан – так называемых нагайбаков. История нагайбаков, число которых достигает нескольких десятков тысяч, восходит ко времени первого появления христианства на этой территории (около тысячи лет назад). Попытка стандартизации их разговорного языка была предпринята в 1920-х гг. в рамках советской кампании по развитию национальных групп. В настоящее время, однако, большинство нагайбаков считают своим родным языком башкирский³⁶.

Неудивительно, что существует множество этнических групп, и у них появляется возможность самовоспроизводства, что может также привести к появлению новых групп: в этом, как мне кажется, и заключается проект Барта. Поэтому, хотя первый тезис Барта интересен с точки зрения этнографии, он не имеет никакого отношения к предложениям по методике изучения этничности.

Однако мне кажется, что в указанном отношении релевантен второй тезис. Он заключается в концептуализации государства как единого актора. Пока что нет оснований сомневаться в важности изменений политического режима для этнополитики: создание башкирской нации началось, когда российская империя начала расшатываться, и прекратилось, когда на смену ей пришло советское государство. У меня нет данных по ситуации начала 1940-х гг., когда в стране опять произошли перемены. Но когда Советский Союз вступил в новую эпоху перемен, когда была введена гласность, санкционировавшая существование этнополитики, то немедленно началась этнополитическая мобилизация и деятельность по созданию границ. Эта деятельность включает прямую агрессию против государственной символики: осенью 1991 г. члены СБМ сорвали флаг Российской Федерации со здания Верховного Совета Башкортостана. В апреле 1992 г. несколько членов СБМ разбили в центре Уфы палатку перед памятником башкирскому национальному герою Салавату Юлаеву и объявили голодовку с требованием отмены федерального договора и подписания равноправного двухстороннего соглашения с Российской Федерацией. Кроме того, были выдвинуты требования отставки Верховного Совета и Совета

³⁶ Basjkirien eller Basjkortostan // Gamla folk och nya stater. Det upplöste Sovjetimperiet / Ed. I. Svanberg, S. Gustavsson. Stockholm, 1991. P. 97.

Министров в связи с их неспособностью урегулировать национальные отношения на уровне советского государства.

Итак, в ситуацию были вовлечены три иерархических уровня административной власти: Башкортостан, Российская Федерация и Советский Союз. В этом случае не столь уж продуктивно рассматривать государство как единого актора. Действительно, обсуждаемый случай интересен прежде всего тем, что более высокий иерархический уровень расшатывается и распадается, давая низшему уровню простор для маневра и даже шанс освободиться от среднего уровня. Главная мысль заключается в том, что хотя Барт предлагает классифицировать политические режимы, подразумевая под режимом «ядро государства, определяющее его политику», анализ также может быть сосредоточен на другом аспекте таксономии режимов, а именно, на вопросе о том, является ли государство унитарным или федералистским, и если да, то в какой степени. Иначе говоря, надо принимать во внимание не только существование и политический режим государства в смысле государственных органов как таковых, но также число уровней государственной организации и их взаимодействие, дифференцирующее структуру государства. Для этого надо рассмотреть советскую национальную политику, институционализировавшую этнические группы путем использования этнонимов для наименования политических единиц.

Советская национальная политика и Башкортостан

Большевики, захватившие власть в Российской империи в 1917 г., не только признавали политическую важность национального вопроса, но и недвусмысленно приветствовали принцип национального самоопределения³⁷. Однако когда Финляндия, Грузия, Польша и множество других регионов начали выходить из-под власти Москвы, большевики стали утверждать, что стремление к национальному самоопределению в условиях пролетарского интернационализма есть не что иное, как буржуазный национализм. Таким образом, хотя принцип национального самоопределения сохранился в теории, он потерял свою однозначность, подчинившись на практике принципу пролетарского интернационализма. Тем не менее, категория нации по-прежнему признавалась политически релевантной. В отличие, например, от Китая, официальная советская идеология оказалось связанной мифом о национальном самоопределении вплоть до отделения и создания суверенного государства. Это понятие вдалбливалось в головы, но не предусматривало законных возможностей реализации. Наоборот: попытки претворить этот принцип в жизнь рассматривались как проявления буржуазного шовинизма и карались. Тем самым коммунистический режим трактовал национализм как альтернативу коммунизму. Необходимость репрессий против «буржуазного национализма» на практике опровергали идеи Ленина о том, что за «расцветом» наций наступит их «сближение», а в конечном счете и «слияние».

Вокруг ленинской программы всегда витал душок политики ассимиляции, намекая, что среди этнических групп Советского Союза одни группы более равны, чем другие. Русские как государствообразующая нация были помещены на вершину иерархии этнических групп. Нации институционализировались в структуре государства в качестве союзной или автономной республики. Конечно, ввиду ведущей роли партии в советском государстве (а партия *не была* федеративной) эта автономия была крайне ограниченной, однако какое-то значение она все же имела. Этническим еди-

³⁷ Ленин В. И. Право наций на самоопределение // Полное собрание сочинений. М., 1961. Т. 21.

ницам с более низким статусом часто предоставлялась автономия в рамках союзной республики. Национальными считались группы, основная часть представителей которых проживала за пределами СССР. Запутанный характер и внутренние противоречия этой классификационной схемы служили стимулом для дальнейшего развития национальной идентичности, и этнические группы находили аргументы в пользу повышения своего статуса в иерархии. Сказанное применимо и к десяти национальным округам.

Это положение усугублялось тем, что классификационная схема плохо совмещалась с неопределенностью пространственного размещения наций. Большевики напрочь отвергли идею национально-культурной автономии, выдвигавшуюся австрийскими социал-демократами в начале XX века. Вместо этого был принят территориальный подход к решению национального вопроса, несмотря на то, что этнические границы не являются четкими и стабильными. Пытаясь обосновать этот подход, Сталин разработал «марксистскую» теорию наций, в которой одним из определяющих признаков нации была единая территория. Упомяну лишь одну из проблем, возникших вследствие этой теории: поскольку у евреев не было территориального единства, они потеряли право считаться нацией (задним числом на границе с Китаем, где еврейское население практически отсутствовало, была образована Еврейская автономная область со столицей в городе Биробиджан). Далее, территориальный императив диктовал необходимость выносить титульную нацию в название административной единицы. Это могло происходить только за счет других этнических групп региона. Кроме того, не было ясно, что делать с членами титульной нации, жившими за пределами «своей» автономной единицы.

Проблемы усугублялись традицией создания объединенных автономных единиц. В 1920-е гг. Наркомнац (Народный комиссариат по делам национальностей) объявил о сокращении числа этнотерриториальных единиц. Что касается Башкортостана, только волей случая «Татаро-Башкирская Советская Социалистическая Республика» не появилась сразу же после революции или в ходе кампании по рационализации территорий в 1920-х гг. Сейчас мы наблюдаем крах Чечено-Ингушской республики и медленный распад Карачаево-Черкесской и Кабардино-Балкарской республик. Москва использовала две титульные нации, чтобы проводить тактику «разделяй и властвуй» под маской «слияния и управления». Изучая процесс установления границ между республиками, некоторые ученые пришли к выводу, что декларируемый принцип территориальности наций сознательно нарушался таким образом, что некоторые регионы, преимущественно населенные одной этнической группой, оказывались включенными в территорию другой этнической группы³⁸.

Яркий случай определения границ вопреки пожеланиям местного населения за пределами Российской Федерации – Нагорный Карабах: несмотря на то, что местное население высказалось в пользу объединения с Арменией, внезапный приезд Сталина привел к образованию Нагорно-Карабахской автономии в составе Азербайджанской ССР. Другие исследователи пытались продемонстрировать, что лишь немногие автономные республики и области могли быть переданы соседней этни-

³⁸ Например: *Connor W.* The National Question in Marxist-Leninist Theory and Strategy. Princeton, 1984. P. 302.

ческой единице для достижения «оптимального» соотношения административных и этнических границ³⁹.

Представляется, что именно дискурс о национальностях, начатый и продолженный советским государством в первые годы существования, направил местную политику Башкортостана в сторону этно-политики. Это положение яростно оспаривают исследователи, не придерживающиеся антропологического подхода и рассматривающие ситуацию не с местной точки зрения, а с московской: «В 1920-е гг. башкирский диалект, менее других связанный с татарским языком, послужил основой для развития письменного башкирского языка. Этот диалект был объявлен «государственным языком» наряду с русским. Этот закон необычен, поскольку, как известно, Ленин неоднократно повторял принципиальные возражения против объявления тех или иных языков государственными и официальными, и до сегодняшнего дня нигде в СССР русский не называется официальным государственным языком. Целью «башкирского государственного языка» было вдохнуть жизнь в башкирскую национальную идентичность, отличающуюся от татарской национальной идентичности – и до некоторой степени эта стратегия имела успех»⁴⁰.

В начале 1920-х гг. Сталин, занимавший пост народного комиссара по делам национальностей, поддержал в критический момент стремление Валидова сохранить отдельную башкирскую республику⁴¹. Татарские лидеры старались не вмешиваться в развитие событий. «Все время, пока Башкирская республика переживала эти беды и невзгоды, вопрос о создании Волжско-Татарского государства находился в состоянии неопределенности», – пишет Ричард Пайпс. Далее он продолжает: «Татары сыграли значительно более важную роль в коммунистическом движении, чем башкиры, и их амбиции, были, соответственно, шире. Идея автономного государства, удовлетворявшая башкирских националистов, не была достаточной для татарской интеллигенции, получившей образование в реформированных школах, с 1917 г. связанной со всероссийским мусульманским движением и погруженной в атмосферу радикального мусульманского прозелитизма. Татарские коммунисты не слишком стремились ускорять ход создания автономного татарского государства. Они предпочитали дожидаться конца Гражданской войны, когда, как они надеялись, появится возможность образования единого Волжско-Уральского государства и они смогут возобновить свою деятельность во всероссийском масштабе. Их вождем и идеологом в это время был замечательный коммунист из поволжских татар, Мирза Султан-Галиев»⁴².

³⁹ Schwarz E. Central Europe – what it is and what it is not // In Search of Central Europe. London, 1989; Koltoe. The New Russian Diaspora. London, 1994 (ch. 4).

⁴⁰ Simon G. Nationalism and Policy toward the Nationalities in the Soviet Union: from Totalitarian Dictatorship to Post-Stalinist Society [1986]. Boulder, Colo., 1991. P. 43-44.

⁴¹ Zenkovsky S. Op. cit. P. 204.

⁴² Pipes R. The Formation of Soviet Union: Communism and Nationalism, 1917-1923. Cambridge, Mass., 1964. P. 168. Султан-Галиев – ключевая фигура в российско-мусульманских отношениях в целом. Будучи лидером «правого уклона» татарской Коммунистической партии, он считал, что слабым звеном в цепи капитализма является Восток, а не Запад, и что коммунисты должны завоевывать мусульманский Восток в сотрудничестве с местными религиозными и национальными лидерами. Проведя жизнь в борьбе за советскую власть на мусульманских территориях, Султан-Галиев закончил свои дни в сталинских лагерях. С июня 1923 г. «султангалиевщина» стала сталинским клеймом «мусульманского буржуазного национализма», за приверженность которому местные мусульманские лидеры получали смертные приговоры по всей территории Советского Союза (Pipes R. Op. cit. P.171f).

Казалось бы, менее этнически окрашенная идея «советского человека» («нового человека»), которую советское государство пыталось ввести в оборот в послевоенное время, не привела к желанному слиянию этнических сообществ. Создатели башкирской нации ясно дали понять, что в основе их национальной идеи лежит идея этническая. Такие автономные республики, как Абхазия и Башкортостан, пытались получить статус союзных республик в рамках общего парада суверенитетов этнических групп Советского Союза. В отношении Башкортостана это требование сначала было сформулировано с экономической точки зрения. Однако послание БНЦ председателю Верховного Совета Российской Федерации от августа 1990 г. уже сосредоточено на конкретных институциональных следствиях, и Верховный Совет рассмотрел несколько проектов декларации о государственном суверенитете. Если в одних проектах требования выдвигались от имени «народа Башкортостана» или «многонационального народа Башкирии», то проект БНЦ носил этнический характер: в нем утверждалось, что «государственный суверенитет Башкирской ССР в качестве суверенной союзной республики [создается] на основе неотъемлемых прав башкирского народа и самоопределения»⁴³.

Так возникла этническая концепция «народа», которая покончила с концепцией политической, неэтнической. Хотя политическая концепция имплицитно существовала даже в проекте БНЦ, заявлявшем, что субъектами суверенитета являются граждане всех национальностей, акцент на гражданских ценностях и концепция гражданства, предоставляемого всем приезжим, был явно оттеснен на задний план проектом строительства башкирской нации. Граждане, не принадлежавшие к титульному этносу, должны были получить права не наравне с другими гражданами, а только в том объеме, который решит предоставить им «коренной башкирский народ»⁴⁴.

В настойчивых требованиях БНЦ сделать Башкирию полноправной союзной республикой, конечно, подразумевалось, что таким образом Башкирия выйдет из состава РСФСР. И, конечно, совсем не случайно подчеркивалось право Башкирии иметь свою армию, силы безопасности, таможенную службу и валюту, а среди провозглашенных целей важное место занимал международный нейтралитет.

Представителей небашкирских наций не порадовали идеи БНЦ. Русская группа из Уфы напрямую обратилась к Ельцину с просьбой отнестись к башкирскому суверенитету с осторожностью. ТОЦ выступил против предоставления суверенитета в Башкирии только одной нации. И русские, и татарские организации призвали к референдуму. Тем не менее, башкирская концепция «народа» одержала победу, и 11 октября 1990 г. Верховный Совет принял декларацию о суверенитете. Название республики было изменено на «Башкортостан», но она осталась субъектом как СССР, так и РСФСР. Это было неприемлемо для БНЦ, обвинившего Верховный Совет и его председателя Муртазу Губайдулловича Рахимова в низкопоклонстве перед Москвой.

БНЦ решил обратиться за поддержкой к мировому сообществу. В феврале 1991 г. БНЦ заявил о своем участии в политической организации народов, не имеющих национального преимущества, на том основании, что башкирской нации

⁴³ Цит. по: Этнополитическая мозаика Башкортостана. М., 1992. Т. 1. С. 126.

⁴⁴ Проект обращения БНЦ, цит. по: Там же. С. 127.

не удалось освободиться от колониального статуса⁴⁵. В мае 1991 г. член БНЦ Марат Кульшарипов организовал массовый митинг в Уфе, на котором было принято решение обратиться с воззванием к генеральному секретарю ООН, президенту США, руководителям нескольких других стран и ко всем парламентам и правительствам мира с просьбой оказать моральную поддержку башкирскому народу в его стремлении создать суверенную республику, равную в своих правах союзным республикам СССР. Митинг предложил включить это обращение в повестку дня очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН⁴⁶.

В сентябре 1991 г. БНЦ выпустил обращение к ООН. Длинная цитата из приложений к обращению стоит того, чтобы ее процитировать: «За спиной у него [председателя Верховного Совета Башкирской ССР М. Г. Рахимова] стоит огромная масса пришлого (в общей сложности 78 %), особенно русского и татарского населения (в общей сложности 70 %), которая при малейшей попытке выхода из России готова вырезать половину безоружного башкирского народа, как это было в 1918-1920 гг. (Татары всегда оказывали самую активную помощь русским колонизаторам в кровавом подавлении башкирских национально-освободительных движений, в колонизации Башкирии и угнетении башкирского народа.) Русские и татарские шовинисты вели обширную атаку против башкир в период подготовки декларации о государственном суверенитете Башкирской ССР. После принятия декларации антибашкирские группы усилили борьбу по всему фронту, предъявляя совершенно абсурдные, бесстыдные претензии к башкирскому народу, вплоть до нелепого обвинения в том, что он якобы угнетает другие народы. <...> Башкиры не имеют возможности преодолеть собственными силами грозную преграду, стоящую на их пути, и нуждаются в серьезной практической помощи со стороны [ООН]. Для проявления решимости к оказанию помощи ООН необходимо <...> отказать от представлений о России как едином государстве»⁴⁷.

Заключение

Распад Российской империи в конце Первой мировой войны и распад Советского Союза дестабилизировали государственное образование, в составе которого жили башкиры, и в результате местные создатели нации смогли обратиться к мировому знанию о «нациях» и применить их к местным условиям. В обоих случаях напряженная дискурсивная работа по созданию «Я» башкирской нации проходила в борьбе с другими проектами формирования идентичности. После революции 1917 г. альтернативу создавали пантюркистский и советский проекты. В годы перестройки альтернативными стали татарский проект построения нации и российский федеральный проект. Для конструирования башкирского «Я» было предпринято три гомогенизирующих «хода». Во-первых, советский период политической истории был вынесен за скобки, в результате чего башкирские проекты национального строительства конца 1910-х – начала 1920-х и конца 1980-х – начала 1990-х гг. предстали как одно непрерывное политическое движение. Последовательная нумерация курултаев, или съездов, охватывающая оба периода, – только один яркий пример многогранного процесса башкирской политической жизни. Во-вторых, аналогичная гомо-

⁴⁵ Координационный совет этой организации находится в Тарту и отвечает за работу по правам народов, не имеющих национального представительства на территории бывшего СССР, преимущественно России.

⁴⁶ Этнополитическая мозаика Башкортостана. Т. 2. С. 231.

⁴⁷ Цит. по: Там же. С. 152-154.

генизация во времени была проведена, с одной стороны, по отношению к пантюркистскому проекту конца 1910-х и начала 1920-х гг. и татарскому проекту построения нации конца 1980-х – начала 1990-х, а, с другой стороны, по отношению к советскому проекту конца 1910-х и начала 1920-х и российскому федеральному проекту конца 1980-х – начала 1990-х гг. В-третьих, была проведена еще одна гомогенизация, благодаря которой все эти альтернативные проекты были однозначно представлены как *последовательные* проекты создания наций, т.е. проекты такого же рода, как башкирский проект, и в силу этого диаметрально ему противоположные. Далее происходит следующее: создатели башкирской нации последовательно переводят на задний план все другие возможные репрезентации политических «Я», которые накладываются на «Я» конструирования наций. И все это делается для того, чтобы вывести на передний план репрезентацию двух «Других» – татарина и русского, – которые, несомненно, занимаются национальным строительством, а потому несомненно конкурируют с репрезентацией башкирского «Я». Из богатого политического сырья – двух весьма различных политических контекстов и двух весьма разных человеческих коллективов – создатели башкирской нации формируют единую репрезентацию создающих свои нации русских и татарских «Других», репрезентацию, которая делает просто необходимым создание особенного башкирского «Я», т.е. башкирской нации, которая сможет составить конкуренцию другим этнополитическим проектам национального строительства.

Я показал, что некоторые метафоры, которые при этом используются, взяты из местной истории. Можно рассматривать их как глобально «циркуляционистские» в том смысле, что они придают политическое значение диакритическим знакам, уже использовавшимся в других проектах создания наций: языку, религии, основателям нации и т.д. Это не делает их менее значимыми в местных условиях. Стоит ли подчеркивать модульность процесса построения нации, как это делает Андерсон⁴⁸ или же нужно подчеркнуть его уникальность, как это делает Уллок⁴⁹ – вопрос интеллектуального темперамента. Интереснее то, что некоторые метафоры имеют циркуляционистский характер, не только в том смысле, что они относятся к тому или иному типу, но и потому, что они устанавливают прямые связи между местными явлениями и явлениями внешнего мира. Обращают на себя внимание два примера. Первый пример – это представление создателей татарской нации об укреплении политической границы вдоль реки Ик, отделяющей Татарстан от Башкортостана, как о «берлинской стене». Второй пример – репрезентация татар как исламских фундаменталистов. Обе эти метафоры позаимствовали часть своего политического потенциала из общеевропейского политического дискурса, в котором «берлинская стена» была одной из наиболее часто используемых метафор противостояния Востока и Запада во времена холодной войны, а характеристика «фундаменталист» стала неотъемлемой частью репрезентации «восточных» политических движений всего «исламского мира»⁵⁰. То, что эти метафоры могут быть эффективно использованы, означает, что символическая экономика, внутри которой они циркулируют, до определенной степени существует и как местное явление. А это значит, что башкирский и татарский

⁴⁸ Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истории и распространении национализма. М., 2001.

⁴⁹ Ullock C. J. Imagining Community: A Metaphysics of Being or Becoming? // Millennium. 1996. Vol. 25. № 2.

⁵⁰ Tunander O. New Ottoman Empire? The Choies for Turkey: Euro-Asian Centre vs. National Fortress // Security Dialogue. 1995. Vol. 26. № 4.

национальный дискурс уходит своими корнями в тот дискурс, в котором некоторые черты негативно маркированы как «восточные».

Если эта глава и не смогла столь же убедительно продемонстрировать то, что репрезентации «восточности» занимают центральное место в формировании башкирского «Я» (а также татарского), она, по крайней мере, продемонстрировала присутствие таких репрезентационных установок. «Восток» остается негативным социальным маркером даже на территории, которая в европейском дискурсе часто репрезентируется как восточная географическая граница Европы. Более того, «Восток» используется как социальный маркер независимо от географического положения: то, что Башкортостан географически восточнее Татарстана, не удерживает башкир от представления татар как «восточного» народа. Таким образом, «Восток» – это не обязательно восток пространственный, он может стать социальным означающим, свободным от географической прикреплённости. Если человеческий коллектив стремится репрезентировать «западное» или «европейское» «Я», ему нужна «восточная» или «азиатская» тень, однако эта тень не обязательно совпадает с географическим востоком.

Перепечатывается с незначительным уточнением перевода из: Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей / Пер. с англ. В. Б. Литвинова и И. А. Пильщикова. М.: Новое издательство, 2003. С. 239-266.